

Тусклый свет заливал верхний этаж небоскрёба. Дун Цзинь замер у панорамного окна, рассматривая своё отражение в стекле. Взгляд скользил по чёрным волосам, спадающим до копчика, по бледному, но изящно очерченному телу под рубашкой, по лицу, чья красота казалась нечеловеческой. Наконец, он надолго остановился на собственных глазах.

Глазах, пронизанных холодом до самой глубины.

С приходом ночи и усилением искусственного освещения их цвет менялся — из угольно-чёрного переходил в пепельно-серый, а затем приобретал уникальный оттенок чернильной синевы. Романтик сказал бы, что ночное небо, рассвет и космос одновременно одарили своими красками одного человека. Но правда оказалась куда прозаичнее — редкая форма гетерохромии радужки.

Единственное, что связывало его с Землёй.

Да, Дун Цзинь был пришельцем из иного мира, причём из тех, чьё сознание переместилось в тело младенца. Что это значило? То, что его организм с углеродной основой оказался брошен в космическую эру со всеми её опасностями. Более того, он нёс в себе бактерии, либо не существующие в этой эпохе, либо давно вымершие — прямая угроза безопасности целой вселенной.

Лишь два фактора спасли его от мгновенной смерти после перемещения: эта вселенная обладала собственным разумом высшего измерения, и этот разум даровал всем мыслящим существам способность к "равноценному обмену".

Дун Цзинь, едва оказавшись здесь, естественно, не имел при себе ничего. Однако сам факт его существования уже являлся драгоценным чудом. Попасть сюда через чёрную дыру во время обычного путешествия — чудо само по себе. Вернуться в младенческое состояние, балансировать на грани жизни и смерти, едва способный дышать, но всё же сохранить искру жизни — чудо, возведённое в квадрат.

И этот шанс, вероятность которого не описать даже как одну миллиардную, он обменял у вселенского разума на возможность выжить.

Результатом сделки стало пробуждение дара, не позволившего ему умереть. Вместе с даром появились примитивная игровая панель и шкала здоровья, медленно истощавшаяся, но восполнявшаяся через приём пищи.

На игровой панели дар описывался так:

Название: Четвёртое бедствие

Ранг: S

Описание: Мир — это игра, и ты единственный игрок.

Оценка: Каким безумцем нужно быть, чтобы в одиночку бросить вызов целому миру?

Милый мой, ты гений, каких не видывала история, или безумец, равных которому не сыскать?

Дун Цзинь не считал себя гением, но и безумцем точно не являлся. Если вдуматься, для "Четвёртого бедствия", существа, способного перемещаться между мирами, восприятие реальности как игры, возможно, было естественным состоянием.

Пусть проблема выживания временно разрешилась, его тело по-прежнему оставалось бомбой замедленного действия для вселенной. Поэтому спустя десять минут после пробуждения дара его уже поместили в стерильный бокс первой тюрьмы за "угрозу общественной безопасности вселенной".

Последующие восемнадцать лет он балансировал на грани жизни и смерти в стерильной камере, полагаясь лишь на шкалу здоровья. Всё это время он непрерывно учился, накапливая опыт и развивая способности. Примитивная игровая панель, изначально включавшая лишь шесть разделов — "уровень", "здоровье", "опыт", "достижения", "навыки" и "дары" — наконец обогатилась седьмым: "подземелья".

В ту ночь, когда появился новый раздел, Дун Цзинь активировал его без колебаний. Скучный опыт, доступный в тюрьме, давно иссяк, превратившись в каплю в море потребностей.

Древним обезьянам потребовалось три миллиона лет, чтобы эволюционировать в людей — процесс, граничащий с чудом. Сколько же лет понадобится его углеродному телу, чтобы при таком черепашьем темпе накопления опыта развиваться до минимального уровня, позволяющего существовать в космосе?

Более того, ему, существу с коротким сроком жизни, требовался не просто опыт, а чудо масштаба той самой эволюции, произошедшей три миллиона лет назад — нечто за гранью человеческого воображения.

Теперь, когда его невероятная удача иссякла, единственный способ достичь второго чуда в человеческом теле — поставить на кон собственную жизнь. Если не получится с первого раза — попытаться сотню раз. Если и сотни окажется мало — тысячу.

Пока он жив, он не остановится, пока не достигнет вершины эволюции.

С такой решимостью, начиная с той ночи, ему стал сниться один и тот же бог, готовый уничтожить всё сущее. Дун Цзинь не понимал, почему "подземелья" проявились в форме снов, но каждый раз, успешно предотвращая уничтожение вселенной этим божеством, он получал колоссальный опыт от спасённого мира.

Три года подряд, через тысячу полночей, в тысяче снов он ни разу не потерпел поражения, совершив чудо эволюции от хрупкого человека до существа, превосходящего средний уровень развития вселенной.

Более того, очки достижений, полученные в подземельях, можно было использовать для усиления навыков. Дун Цзинь не расплылся — ни музыка, ни кулинария, ни другие самостоятельно изучаемые навыки не получили от него ни единого очка. Все заработанные достижения он вложил в навык "Око истины", появившийся одновременно с даром.

Изначально этот навык позволял видеть только шкалу здоровья других существ, но после вложения всех очков он эволюционировал.

Название: Око истины

Описание: Лишь особые глаза способны узреть особую информацию.

Эффект: Ты можешь частично видеть суть людей и предметов. При достаточной плате ты сможешь узреть всё.

Оценка: У тебя глаза, достойные воспевания художниками, способные довести их до безумия, но ты используешь их лишь для поиска слабостей мира. Милый, говорил ли я, что теперь, возможно, по тебе сходит с ума ещё и мой разум?

Эти глаза действительно оказались бесценным даром — они позволяли видеть профессии NPC из снов, их способности, характеры, даже уязвимые точки во время атак. Но и цена оказалась непомерной — разве легко тягаться с богами? В качестве платы за тысячу полночей использования этой силы Дун Цзинь пожертвовал своей жизненной силой, и теперь смерть дышала ему в затылок.

Очевидно, в этой тысячекратной игре со смертью он одновременно выиграл и проиграл.

Тридцать семь дней — вот что осталось от его жизни.

Дун Цзинь принял этот факт со спокойствием ещё в момент использования навыка. Он даже распланировал туристический маршрут на оставшиеся дни — в конце концов, перед перемещением он тоже умирал от неизлечимой болезни, так что дополнительные двадцать лет жизни уже можно считать бонусом.

Однако когда он, держа в руках свежие результаты медицинского обследования, оформлял документы на освобождение, в небе над каждой планетой этой вселенной возникло одно и то же видение — два парящих трона, обращённых друг к другу. За каждым из этих чёрных тронов с различными узорами застыли тёмные силуэты существ, природу которых невозможно было определить — то ли боги, то ли демоны.

Их тени полукругом нависли над небосводом, не исчезая ни днём, ни ночью.

Вместе с этими неестественными явлениями раздался холодный механический голос. Он прозвучал одновременно в сознании каждого разумного существа, начисто лишённый эмоций:

— Церемония божественного выбора начнётся через тридцать суток.

После стольких лет в этой вселенной Дун Цзинь прекрасно знал, что такое церемония божественного выбора.

Если коротко — высший межвселенский союз первого и второго уровня организовал испытание, похожее на бесконечный поток. Каждые сто лет случайным образом выбирались семь вселенных третьего уровня для участия.

В этих смертельных испытаниях боги и демоны высшей вселенной выступали одновременно ведущими, судьями и комментаторами. Жители вселенных первого и второго уровня становились зрителями, а все обитатели вселенных третьего уровня — участниками.

Звучало несправедливо по отношению к вселенным третьего уровня, но с древних времён ни одна из выбранных не отказалась. Причина проста — эволюция. Не только эволюция вселенной, но и самих участников.

Испытания делились на семь этапов. После каждого выжившие участники и их вселенные получали щедрое вознаграждение. По завершении всех этапов вселенная с лучшими показателями не только совершала огромный скачок в развитии — все погибшие в ходе испытаний воскресали. А лучший игрок получал приглашение от высшей вселенной.

Даже участники, показавшие более скромные результаты, могли привлечь внимание вселенных высшего измерения, открывая новые возможности. Поэтому процесс постепенно назвали "Божественным Отбором" — успешное прохождение действительно давало шанс стать богом.

Несомненно, это путь для амбициозных душ, стремящихся достичь небес, последний луч надежды для тех, чья жизнь подходит к концу. Но действительно ли это надежда?

По мере приближения дня испытаний тёмные силуэты в небе начали проясняться каждую полночь, словно туман, отступающий от краёв к центру, постепенно открывая лики богов и демонов. К тридцатому дню, то есть сегодня, лишь два противостоящих трона в центре оставались полностью скрыты тенью.

Только с приближением полуночи узоры на них начали проступать.

Дун Цзинь, стоя у панорамного окна, бросил взгляд на часы за спиной. 23:55 по вселенскому времени — пять минут до начала церемонии. Судя по всему, узоры на тронах должны проявиться через пару минут.

Всё шло по его расчётам. Но он не мог предвидеть, что через три минуты увидит не только рассеивание тумана, но и нисхождение богов.

23:58 по вселенскому времени.

В беззвёздной, безлунной ночи небо внезапно начало раскалываться. Группа существ, похожих одновременно на богов и демонов, заменила безмолвные проекции, мерцая в пустоте. А когда Дун Цзинь поднял взгляд на левый трон и разглядел выгравированный на его спинке узор в виде улыбающегося полумесяца с полуприкрытым глазом, холодный пот беззвучно пополз по позвоночнику.

Ещё тридцать дней назад, когда впервые появились проекции богов, у него возникло смутное дурное предчувствие. Спустя месяц оно подтвердилось.

Это был трон бога ночи и драмы.

Трон Лэй Мина, с которым он сражался тысячу полночей.

Конец... Всему конец.

Какое спасение? Церемония божественного выбора оказалась его смертным приговором!

Дун Цзинь вспомнил последнюю полночь, когда после его одностороннего "прощай" в золотых глазах Лэй Мина плескалась неудержимая жажда убийства. Перед его собственными глазами потемнело — будущее казалось беспросветным.

Но нет, обнаружить своего заклятого врага в роли главного судьи — ещё не самое страшное.

Худшее ждало впереди.

Молча наблюдая, как трон бога ночи и драмы материализуется из иллюзии в реальность, как на пустовавшем сидении постепенно проявляется фигура мужчины в строгом костюме, в маске, наполовину чёрной, наполовину белой, Дун Цзинь встретился с ним взглядом.

Его окна были из особого стекла — снаружи невозможно разглядеть, что происходит внутри. В момент, когда всё население планеты устремило взоры в небеса, Лэй Мин не мог выделить его взгляд среди прочих.

Но он забыл — Лэй Мин никогда не следовал логике.

Дун Цзинь в оцепенении смотрел, как серебристоволосый бог небрежно полулежал на троне, опираясь рукой на подлокотник с таким же узором. Но в момент, когда их взгляды пересеклись, тот мгновенно насторожился, словно хищник перед прыжком. Убедившись в источнике взгляда, нижняя половина его лица, не скрытая маской, растянулась в медленной улыбке, обращённой к окну.

За секунду до окончания обратного отсчёта он беззвучно произнёс: "Ti ho trovato" (Я нашёл тебя).

Возможно, из-за слишком хорошего знакомства с ним — хотя тот лишь шевелил губами — встретившись с его жутко спокойными золотыми глазами, Дун Цзинь почти физически ощутил этот размеренный, словно пожирающий шёпот.

Достойно Лэй Мина.

Крайность крайностей, безумие безумий.

Один взгляд, одна фраза — и он вернулся в те бесчисленные полночи на грани смерти.

Что может быть хуже, чем обнаружить бывшего врага в роли главного судьи?

Ответ Дун Цзиня: хуже только то, что этот враг тебя узнал.

Этой ночью бог, олицетворяющий саму тьму, наконец снизошёл в этот мир.

<http://bllate.org/book/13401/1193036>